

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора филологических наук, профессора РАН, директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук» Вадима Владимировича Полонского на диссертацию Ирины Леонидовны Багратион-Мухранели «Формирование мотивной структуры мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе XIX - начала XX века», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Кавказ как тема, предмет изображения, своеобразный резервуар характерной образности и сюжетный комплекс - важный феномен русской классической литературы, неоднократно привлекавший к себе внимание критики и филологической науки. С разной степенью подробности на протяжении последних полутора столетий исследовались частные аспекты и кавказианы как таковой, и ее проявления в творчестве отдельных крупнейших русских писателей, прежде всего Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого. Тем самым была подготовлена база для решения большой задачи: интегративного рассмотрения кавказско-грузинского субстрата в отечественной классической литературе как единого поэтико-семантического комплекса, обладающего своей инвариантной цельностью и в то же время определенной логикой вариантивного диахронического развития. Именно эту крупную задачу вполне успешно решает рассматриваемая диссертация, безусловная **актуальность** которой вырастает из органической потребности филологической науки выйти на новый уровень в концептуальном осмыслении накопленного эмпирического материала, расширив при этом его источниковую базу.

Диссертант раскрывает литературную кавказиану как метатекстуальное единство («сверхтекст»), во многом изоморфное реконструированному В.Н. Топоровым комплексу «петербургского текста» и продуцирующее в разных жанрах и стратах словесности, в разных авторских моделях письма на протяжении длительного времени более или менее константный набор универсалий, нарративных, сюжетных и образных ходов.

Сверхтекстуальное целое в теоретико-инструментальном аппарате

исследователя, таким образом, оказывается эквивалентным «литературному мифу» о Кавказе и Грузии, а его константные поэтико-семантические составляющие эксплицируются как система базовых интегративных мотивов. Этим предопределяется **методологическая основательность** работы, а также ее структура: каждая из четырех глав посвящена одному из подобных мотивов. Это, соответственно, мотивы *свободы/плена, границы, чудесного исцеления, культурного строительства и миротворчества*.

Существенным **концептуально-теоретическим** достоинством работы является имагологический фокус проведенного исследования, подразумевающий анализ формирования и функционирования образа Другого в национальной культуре как важнейший аспект кросскультурной коммуникации и механизмов адаптации инонационального. И это по-настоящему оправдано, поскольку оппозиция *Свой/Чужой* на протяжении целого столетия в русской литературе во многом реализуется как диалектическое соотношение «русского» и «кавказского». Кроме того, подобный поворот исследовательского сюжета отвечает новейшим запросам мировой гуманитаристики, озабоченной выстраиванием теоретических моделей описания литературного фронта, функционирования культурных систем в лимитрофном контексте.

И.Л. Багратион-Мухранели интересуется формирование сквозных мотивных структур, устойчивых формул, первообразов, универсалий и других составляющих кавказского мифа, который находил свое выражение в русской литературе с рубежа XVIII-XIX по начало XX в. и определил существенные черты сложной, динамичной системы этнонационального моделирования.

Бесспорным достоинством диссертации является скрупулезный подход к сбору и систематизации фактов, внимание к живой материи историко-литературного процесса, умение сквозь призму кавказской темы выявить важные тенденции литературного развития русской классической литературы в целом.

Новизна работы предопределяется также тем, что здесь существенно обновлена источниковая база традиционной литературной кавказианы, вводится

в научный оборот серьезный корпус новых явлений и литературных фактов. С этим связаны еще два важнейших достоинства диссертации, о которых необходимо сказать особо. Речь идет о том, что, во-первых, литературная фактура здесь анализируется в тесной связи с собственно историей Кавказа и Закавказья, кавказских войн, российской политики в этом регионе, русско-грузинских церковных взаимоотношений, а также религиозно-конфессиональной проблематикой, и во-вторых, автор не ограничивается лишь материалом светской литературы и вводит в орбиту исследования важные источники по истории церковной и духовной словесности, тем самым снимая столь привычную и устойчивую перегородку между двумя литературными руслами.

С этим же связана и еще одна чрезвычайно важная сторона исследования: собственно литературно-романтическая по происхождению мифологема Кавказа как экзотического и колонизируемого пространства соплагается здесь с сакрально-архетипическими коннотациями этой земли как локуса транзитивного взаимодействия эмпирического и эмпирейного, мистагогического откровения и метафизического воздаяния (аргонавтический и прометеевский мифокомплексы), здешних гор, прообразующих Горний мир, как хронотопа, причастного библейской Священной истории.

И.Л. Багратион-Мухранели нашла свою стратегию в исследовании обширного историко-литературного материала, который внутренне, тем не менее, вполне закономерно и убедительно структурирован. Так, базовые универсалии кавкасианы, в том числе представляющие принципиально важную для автора двучастность Имперского и Библейского Кавказа, в диссертации реконструируются на основе анализа опорных текстов ведущих классиков XIX века (Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого). А контекстуальное расширение в трактовке подобных универсалий, выявление их генезиса и семантической валентности в большом поле культуры обеспечивается за счет исследования сочинений тех авторов, кто формировал базовый фон стереотипизации этой темы, риторизировал (либо же ставил под вопрос) мифогенность идиллического

локуса Кавказа как Земли Обетованной, развивал потенциал рецептивных доминант, заложенный авторами упомянутых «опорных» сочинений. Это – А.А. Бестужев-Марлинский, А. Полежаев, А. Вельтман, В.И. Даль, В.А. Соллогуб, Я.П. Полонский, Д.Л. Мордовцев, массовая литературная продукция Н. Зряхова, Л. Чарской, Е. Желиховской. Чрезвычайно важно здесь и обращение к образцам публицистики, документальной, церковной литературы, солдатского фольклора.

Пространство Кавказа исследуется в работе в качестве полисемического локуса, представляющего собой совокупность образно-концептивных дериватов («провинция», «окраина», «театр военных действий», «граница», «горы», «инославные», «дикие», «курорт», «рай», место паломничества или путешествия и т.п.), осмысляемых с разных точек зрения.

Важно, что И.Л.Багратион-Мухранели рассматривает литературу о Грузии и Кавказе в диахронической динамике. Нельзя не согласиться с выводами диссертанта относительно формирования и историко-литературной эволюции в русской кавказиане таких ключевых этностереотипов, как Благородный Дикарь, Хищник, Дева Гор, Путешественник, Учтивый Гость. Автор наглядно демонстрирует, как постепенно в отечественном культурном сознании благодаря художественным текстам о Грузии и Кавказе меняется образ Другого, Дева Гор уступает место смиренномудрой Верной Жене («Н.А. Грибоедова» Я.П.Полонского), кавказская женщина перестает описываться как существо таинственное и обретает обыденно-бытовые черты, а «туземец», автохтонный «хищник», изумлявший «цивилизованных» путешественников «нищий разбойник» трансформируется в Благородного Дикаря, а затем и в Трагического Героя («Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого). Эта имагологическая динамика непосредственно корреспондирует с общеэволюционными процессами в русской литературе и культуре на протяжении всего XIX столетия.

Переходя к замечаниям, сразу хочу подчеркнуть, что основные положения, вынесенные диссертантом на защиту, у меня содержательных возражений не вызывают. Моя критика относится к некоторым частным аспектам исследования и его формальной стороне.

Так, во Введении к работе автор, представляя свою методологическую и понятийную базу, считает необходимым остановиться подробно на различных составляющих теории мотива. Однако они подаются недостаточно системно, как вереница слабо связанных и плохо соотнесенных друг с другом суждений отдельных ученых (А. Веселовского, Ж. Женетта, И. Смирнова, Ю. Шатина, И. Силантьева, И. Тюпы и т.п.) собственно о мотивах, мотивах, алломотивах, интенциях мотивах и т.п. В конце концов вся эта понятийная россыпь автору оказывается просто не нужна. И помянутая бессистемность никак на качество работы с материалом в основном корпусе диссертации не влияет. В общем это закономерно. Перед нами работа – и хорошая работа! – не по теории, а по истории литературы. И теоретические выкладки подобного рода здесь оказались просто излишними, необязательной данью сложившимся представлениям о «жанровых законах» Введения. Полагаю, достаточно было лаконично определить границы термина «мотив» в его оперативной функции, необходимой для конкретных исследовательских задач в данной работе, - и этим ограничиться. Подобная же избыточность здесь проявляется и в иных случаях обращения к нарратологии и ее понятийному аппарату, – избыточность, сопряженная с определенной туманностью, непроясненностью некоторых тезисов, а также несколько странными лакунами. Так, в диссертации могут цитироваться очень частные нарратологические работы не самых известных авторов, но даже не упоминается ставшая уже классической книга В. Шмида «Нарратология». Несколько раз лейтмотивом проходит тезис о «понимании нации как наррации» со ссылкой в скобках: «(Х. Бхабха)». Однако конкретный смысл этого тезиса, признаюсь, от меня ускользает. А сносок с библиографическими адресами работ Бхабхи диссертант при этом не дает.

Избыточность порой проявляет себя и в основном корпусе работы. Автор зачастую увлекается частными сюжетами, которые могут быть вполне интересными и ценными, но не имеют прямого отношения к основной теме. К примеру, в первом параграфе главы IV, где речь идет о мотивах единоверия в церковной литературе, гораздо больше - просто по объему - говорится о

церковно-писательской деятельности А.Н. Муравьева, его репутации, связях с салоном З. Волконской и проч., чем непосредственно о трудах этого литератора, связанных с Грузией. И это не единственный пример такого рода.

Порой важные для автора понятия употребляются слишком расширительно, без ожидаемого семантического разграничения. Так, под «утопией» - а это один из самых частотных концептов в диссертации - могут пониматься и литературный жанр, и философско-фикциональный идеалистический конструкт, и идеологическая метафора, и мифологема Земли Обетованной, и просто идиллический локус. Кажется, в последнем значении это понятие и употребляется чаще всего. Однако «идиллия» и «утопия» все же не синонимичные понятия, и их стоило бы развести.

Порой некоторые термины автор употребляет не совсем точно. Так, на стр. 226 повествуется о «канонизации» св. Нины Грузинской в России в 1871 г. Однако корректнее было бы говорить о введении ее общерусского почитания с установлением литургического празднования в пределах полноты Православной Греко-Российской Церкви, поскольку собственно иверийская (грузинская) ее канонизация, действенная и достаточная для всей православной ойкумены, состоялась еще в глубокой древности. Впрочем, диссертант вполне квалифицированно ориентируется в историко-церковной проблематике, так что в данном случае, очевидно, слово «канонизация» могло быть ею употреблено для большей ясности восприятия читателем, не всегда знакомым с деталями агиологии.

Что до материала, то выше он уже характеризовался как очень широкий и вполне мотивированно выстроенный. А потому несколько удивляет отсутствие в диссертации, где Грибоедов фигурирует в целом как один из постоянных героев, даже упоминаний о неоконченной его поэме «Кальянчи» (о мальчике-грузине) и его же дошедшей до нас в отрывках трагедии «Грузинская ночь», которую слышавшие ее современники (Н. Греч и др.) считали в литературном отношении шедевром европейского масштаба, стоящим выше «Горя от ума».

Верхнюю хронологическую границу своего основного материала

диссертант связывает с «Хаджи-Муратом» Толстого, опублик. в 1912 г., что с формальной точки зрения подразумевает включение в рамки работы большей части периода «серебряного века». Однако вся органическая логика диссертации подразумевает системное исследование кавказо-грузинского мифа именно в классической русской литературе. Отсюда – выведение за скобки обширного корпуса соответствующих текстов, рожденных собственно эпохой рубежа веков, когда сложившаяся классическая художественная система переживает глубинные трансформации, которые не могли не затронуть и кавказиану. Этот материал, объемлющий богатое наследие самого широкого веера авторов от Бальмонта, Белого и Брюсова до Горького, требует самостоятельного исследования, и можно лишь пожелать диссертанту его когда-нибудь осуществить. Тем более что частично, очень точно наследие этой эпохи находит отражение в работе (образцы массовой беллетристики, Бунин как автор рассказа «Кавказ», выведенный в приложение мандельштамовский сюжет, пунктирно упоминаемые в общих характеристиках отдельные имена). Жаль лишь, что автор не сформулировал четко принципы отбора, фильтрации релевантного для себя материала именно этой эпохи - рубежа XIX-XX вв.

Наконец, приходится констатировать, что в работе порой встречаются случаи некорректного оформления текста и ссылочно-библиографического аппарата. Приведу лишь отдельные примеры. На стр. 171 упоминается франкоязычное описание своего путешествия на Александровские воды доктором Ф.П. Гаазом, дается пристраничная ссылка на соответствующее издание (правда, с пропуском слова: «Ma visite aux [eaux] d'Alexandre en 1809 et 1810»), однако в библиографии к работе этого источника нет вообще. В начале Приложения В, на стр. 374 читаем: «Переводам грузинской поэзии Мандельштамом посвящены статьи Г. Маргвелашвили, П. Нерлера, Д. Рейфилда, книга А. Цыбулевского, анализу черновиков армянского цикла — тонкая и глубокая текстологическая работа И. Семенко». Однако библиографические ссылки на эти работы в данном месте отсутствуют. Как отсутствует ссылка на библиографическое описание источника, к примеру, при

пространном цитировании черновиков Пушкина к «Путешествию в Арзрум» на стр. 347-348.

Однако все приведенные замечания, повторю, носят лишь частный характер, никак не влияя на общую оценку диссертации И.Л. Багратион-Мухранели как успешного фундаментального оригинального исследования масштабной проблемной области, новаторского по материалу, конкретной методологии и достигнутым результатам, вводящего в оборот впечатляющий корпус неизученных источников и литературных фактов, применяющего высокопрофессиональный инструментарий тонкого филологического анализа в сочетании с методами исторических наук и церковной историографии.

Материал диссертации многократно апробирован в публикациях и докладах на научных конференциях разных уровней, в том числе всероссийских и международных. Автореферат и опубликованные по теме диссертации работы адекватно отражают ее содержание.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при построении вузовских курсов по истории русской литературы, истории литератур народов РФ, истории русско-кавказских и русско-грузинских литературных связей, имагологическим методам в литературоведении.

Предлагаемое к защите диссертационное исследование И.Л. Багратион-Мухранели удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям в соответствии с п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г., а его автор безусловно заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

профессор РАН,

директор ФГБУН

«Институт мировой литературы им. А.М.Горького
Российской академии наук»

Шолонский Вадим Владимирович

ЗАВЕДУЮЩАЯ КАНЦЕЛЯРИЕЙ

ЧУГУНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ